

одного слова и срединно-конечный дериват двух слов. Это обуславливается более сложными взаимосвязями внутри лексических единиц, их меньшей адаптивностью.

Иными словами, результатом данных словообразовательных процессов является появление более кратких лексических единиц, обусловленных естественным стремлением к упрощению просторечного языкового варианта.

Литература

Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. – учеб. пособ. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / В.И. Заботкина. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.

Коровушкин В.П. Социальная лексикология английского языка. Часть II. Социолексикологическое описание английской нестандартной лексики. – Череповец: ЧГПИ, 1994. 38 с.

Кочарян Ю.Г. Аббревиация в английской воснной лексике. Автореферат. Москва 2007. 21с.

Tottie G. An Introduction to American English. Blackwell Publishers, 2002. 293 p.

Словари

Blevins W. The Wordsworth Dictionary of the American West. Wordsworth Editions Ltd, 1995. 266 p.

Crotty J. How to Talk American, A Guide to Our Native Tongues. Houghton Mifflin Company, Boston, New York, 1997. 420 p.

Ю.Н. Драчёва
Вологда

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАРЕЧИЙ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ*

В современной диалектологии большое внимание уделяется изучению диалектной языковой картины мира через исследование функционирования отдельных групп слов в частных диалектных системах. В статье рассматриваются наречия образа действия, зафиксированные в современных вологодских говорах, и некоторые аспекты их классификации.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (проект «Русская региональная морфемика»)

Наречия образа действия выражают адвербиальные признаки в различных аспектах: характеризуют способ выполнения действия, субъект действия, объект действия. Пестрота лексического состава этой группы наречий в русских диалектах обуславливает трудности классификации этих наречий. Е.В. Бочкарёва предлагает классификацию наречий данной группы в зависимости от отношений их к субъекту (характеристика внешнего вида, речемыслительной и физической деятельности, способа передвижения субъекта) или объекту) (Бочкарёва 2008). О.А. Глушенко, анализируя особенности статичного положения субъекта в пространстве, выделяет наречия, характеризующие вертикальное, горизонтальное, сидячее положение, а также рассматривает возможности выражения диалектными наречиями образа действия стательных значений: социального, психического, психоэмоционального состояния (Глушенко 2006).

Исследователи уже отмечали в семантике диалектных наречий образа и способа действия совмещение качественных характеристик и обстоятельственных значений (Бочкарёва 2008, Глушенко 2006). В вологодских говорах важной составляющей многих наречий образа действия является наличие оценочной коннотации. Как правило, преобладают наречия отрицательной оценки, что может быть обусловлено отношением к положительно оцениваемым феноменам как к норме, поэтому слова с основным или коннотативным значением, содержащим отрицательную оценку, являются маркированным членом оппозиции.

Антропоцентричность диалектной картины мира обуславливает преобладание характеристики носителя / носителей диалекта как субъектов действия. Адвербиальная система диалекта характеризует особенности их внутреннего самочувствия и самоощущения, их внешнего вида, поведения, образа жизни, их контакты в социуме, отношения с другими людьми, особенности использования вещей, особенности использования пространства вокруг социума. Формируется «я-ориентированная» структура адвербиальных значений образа действия, которая всесторонне описывает жизнь диалектоносителя в том обществе и пространстве, которое его окружает. Косвенным подтверждением нашего мнения служит наличие в вологодских говорах оппозиции «вместе» / «врозь, отдельно». Например, наречия со значением 'отдельно, особо' *особе, особо, особедня, особицей, наособе, наособицу, наодносторонье* относятся к пространственному расположению (*Бабка-то особо жила, в другой деревне* (СВГ 6: 77), *Фаина пойдёт в лес со всеми, а там вечно особицей* (СВГ, вып. 6: 77)), образу жизни (*Они уже жили особе, когда я пришла* (СВГ, вып. 6: 77); *однолично 'ведя отдельное, самостоятельное хозяйство, одиночно': Ковда однолично жили, дак чётіре коровы у нас было* (СВГ, вып. 6: 34)), особенностям поведения (*Никогда этой девочки вместе с другими не видела, всё*

наособичу (СВГ, вып. 5: 56)), действий (*Иди и ешь, особідня тебе наготовила* (СВГ 6: 77) *Я уж всегда ему варю наособе, в другом штяницьке, маленькѣм* (СВГ, вып. 5: 56)).

Мы распределяем группы диалектных наречий образа действия в зависимости от степени их значимости для диалектоносителя и для диалектной картины мира. Значимые для диалектной языковой картины мира элементы располагаются с учетом антропоцентричности диалектной языковой картины мира и взаимодействия либо противопоставленности отдельных ее зон. В центре поля помещаются наречия, характеризующие носителя диалекта (он же – субъект диалектной языковой картины мира), а также адвербиальная лексика, описывающая внешние и внутренние его состояния. Дальше от центра мы размещаем диалектные наречия образа действия, характеризующие особенности взаимодействия субъекта диалектной языковой картины мира с социумом, причем здесь наблюдается различие семантических зон, к которым относятся наречия: «мы» и «они». Ближе к периферии располагаются диалектные адвербиальные единицы, характеризующие взаимодействие диалектоносителя с миром живой природы и миром вещей (предметов, объектов, значимых для носителя диалекта). На периферии семантического поля диалектных наречий образа действия располагаются наречия, размещающие субъект или объект в ближнем или дальнем пространстве.

Внешние характеристики человека в вологодских говорах выражаются наречиями образа действия с различными значениями, например, в ситуациях связанных с наличием / отсутствием одежды, обуви наречия имеют значения ‘в голом виде, без одежды’ – *телешѡм* (ср.: *Одѣнься! Что телешѡм-то хѡдишь?* (СВГ, вып. 11: 12)), ‘босиком’ – *наголо, босичиной, боскѡм* (ср.: *Наголо не излажѣеця носить сапоги-то* (СВГ, вып. 5: 31); *Ты не обожгись, эдак босичиной-то* (СВГ, вып. 1: 41); *Хѡлодно ведь, а вы боскѡм* (СВГ, вып. 1: 41)). Внимание к особенностям края и ношения одежды подчеркивается адвербиальной лексикой, например, наречиями *дольникѡм* ‘целиком, не разрезая (об одежде, неотрезной по линии талии)’, *напокосѡк* ‘о платке, повязанном концами назад’, *клѣснично* ‘до самых бровей (о надетом головном уборе)’, *слѣбко* ‘свободно, великовато (об одежде, обуви)’, *тѡнко* ‘легко (об одежде)’, *нарастапѣшку, нарастѡпѣшку* ‘нараспашку, в расстегнутом виде’, *подзабѡр* ‘заправив кофту под юбку’ (ср.: *Давай платьѣ дольникѡм сошьѣм* (СВГ, вып. 2: 42); *Завяжу напокосѡк, дак не мешают, эдак всё на покос ходим* (СВГ, вып. 5: 60); *Если юбка слѣбко, то сдѣлай пилѣк* (СВГ, вып. 10: 41); *Гляди-гляди, как Манѣфа тѡнко нарядѣлась* (СВГ, вып. 11: 38); *Парни-то бывало и в мороз едут на лошадях нарастѡпѣшку, тѡко пѡлы хлѣщутся* (СВГ, вып.

5: 64); *Маншѣтницы-то носили подзабор* (СВГ, вып. 7: 93); *Шамшѹру накинул клѣснично* (СВГ, вып. 3: 63)).

Аккуратность в ношении одежды описывается в вологодских говорах посредством наречий образа действия: например, *тряпѣшно* ‘неаккуратно, неопрятно, бедно’ (ср.: *Колька у нас ходил тряпѣшно: всё в дырах у него, не зашито; Да уж больно она тряпѣшно одевается, будто одеть, бедной, нечего* (СВГ, вып. 11: 69)). Значения наречий, описывающие семантическую оппозицию «аккуратно, тщательно» / «кое-как, неаккуратно» во многом пересекается с наречиями, характеризующими качество выполнения действия: «аккуратно» – *складня, справно, увалисто, тодельно* (ср.: *А полѣница-та как складня налѣжена* (СВГ, вып. 10: 21); *Дѣм-то у меня хозяин справно поставил* (СВГ, вып. 10: 104); *Больно тодельно ты и платье-то шила* (СВГ, вып. 11: 28); *Увалисто сѣно свалили, ещё воз войдет* (СВГ, вып. 11: 98)); «неаккуратно» – *жомком, рѣхло, стряпно* (ср.: *Жомком всё в коробе наложено было* (СВГ, вып. 2: 91); *Дѣньги рѣхло-то не кладѣ, подальше убирай* (СВГ, вып. 9: 67); *Дѣчка малѣнькая была, стряпно полѣ мѣла, приходилось перемывать* (СВГ, вып. 10: 144)).

Внутреннее состояние выражается через определение физических ощущений, например, боли: значение ‘больно’ имеют наречия образа действия *порѣт, порѣто* (ср.: *Рукам-то порѣт, я их окуну в холодную воду, чтобы успокоились; Ногам-то больно порѣто было, как ушиб*); одышки: *харѣто* (ср.: *Пѣ воду-то сходилѣ, в гѣру поднялся, дак уж так харѣто дышать стала* (СВГ, вып. 11: 180)), а также через описание эмоциональных состояний (впрочем, не столь характерных для наречий образа действия), например, *бѹданко* ‘нахмурившись, насупившись’ (ср.: *Анна буданко ходит, со мной не говорит* (СВГ, вып. 1: 47)).

Отношения с окружающими людьми рассматриваются нами в плоскости семантической оппозиции «мы» / «они». Это не только наречия, выражающие значение «вместе» / «врозь», но и наречия, описывающие социальные отношения: например, наречие *навозрастѣх* ‘о достижении совершеннолетия’: *Доцька уж навозрастѣх, пора и замуж выдавать* (СВГ, вып. 5: 28).

Е. А. Кирилова, описывая диалектные сложные слова различных частей речи, пишет, что в диалектной языковой картине мира отрицательно маркируется проявление человеком личной воли, самостоятельности, особенно в тех ситуациях, которые строго регламентируются традициями, например, первоэлемент *само-* маркирует отклонение от нормы социального поведения человека, определяя отношение общества к проявлению личной воли (Кирилова 2008). Наречия с элементом *само-* также заключают в своем значении ‘самовольно, без разрешения’ отрицательную коннотацию: *самобравно, самоизвольно, самоходкой, самоходочкой* (ср.:

Женіх посвѣтається – родітели и благословѣят, самобравно рѣньше нѣ было (СВГ, вып. 9: 88); *Ушлѣ дѣУка самохѳдкой, и мѣтка с отцѳм не знѣет; Самохѳдкой ушѣл петѳх к Пѳле, у неѣ однѣ кѳрѳчка да петѳх, петѳх к Пѳлиным кѳрицѣм бѣгает* (СВГ, вып. 9: 91); *Самохѳдочкой пойдѳ, у мѣмы плѣтьѣ вѣпрѳшу* (СВГ, вып. 9: 91)). Не маркируется отрицательно только наречие *самоѳкой* ‘самостоятельно, без руководителя’ (ср.: *Самоѳкой-то научілася, писѣма пишѳ, читѣю* (СВГ, вып. 9: 91)).

Противопоставление «я» / «все остальные» менее характерно говорам и может выражаться такими адвербиальными лексемами, как *украдучись, украстись, шинарѣм, шинкѳм, крадѣши, втихомѣлю* со значением ‘тайно, скрытно, незаметно для других’ – (ср.: *Я украстись поѣду к ней* (СВГ, вып. 11: 117); *Так он все украдучись ходит* (СВГ, вып. 11: 117); *Она за мной шинарѣм шла* (СВГ, вып. 12: 89); *Все, лешій, шинком делает, даже я не замечаю!* (СВГ, вып. 12: 89); *К сыну крадѣши с работы ходила, не пуцали* (СВГ, вып. 3: 118); *Они ещѣ рѣньше все втихомѣлю скосили* (СВГ, вып. 1: 88)), а также примыкающими к ним наречиями, имеющими значение ‘наедине с кем-либо, с глазу на глаз’ – *потѣясь, наодинѣ* (ср.: *Мы с ней потѣясь говорили* (СВГ, вып. 8: 15); *Наодинѣ-то я с ним ни рѣзѳчку не встречѣлася* (СВГ, вып. 5: 55)).

Идея распределения обязанностей связана в лексическом выражении адвербиальных признаков со значением ‘по очереди, по порядку, чередуясь’, которое выражается наречиями *поокѳнно, постѣчѣм, попеременѣкам, попеременѳку* (ср.: *Пастух-то поокѳнно ходіУ по избѣм, кормился и одевался тут* (СВГ, вып. 7: 156), *Так постѣчѣм избѣ перешлѣ к нам* (СВГ, вып. 8: 9); *Попеременѣкам посидим, надо стерѣчѣти винѳ-то* (СВГ, вып. 7: 158), *На комбѣйне работѣла попеременѳку с брѣтом* (СВГ, вып. 7: 158)).

К области характеристики социальных отношений мы относим оценку диалектоносителем своего образа жизни в сравнении с жизнью других людей в одновременном ему настоящем или в прошлом: ‘обеспеченно, в достатке, без нужды’ – *запрѣвно, несерѳ* (ср.: *Сусіди запрѣвно живут* (СВГ, вып. 2: 143); *Жіла-то я с ним небѣдно, несерѳ* (СВГ, вып. 5: 104)); ‘бедно, скудно, в нужде, затруднительно в материальном плане’ – *нѳжно, хѳдѳсть* (ср.: *Нѳжно жіли-то* (СВГ, вып. 5: 114); *Хѳдѳсь жіли всю жизнь* (СВГ, вып. 11: 216)). Наречия, принадлежащие оппозиции «богато» / «бедно» не содержат яркой положительной или отрицательной оценки: *солѳще* ‘просто, без претензий’: (ср.: *Рѣньше-то солѳцо жіли*. (СВГ 10: 77)), *фѳрсно* ‘кичась, хвастая достатком’ (ср.: *Все типѣрь живѳт фѳрсно, не то что рѣньше* (СВГ, вып. 11: 170)).

Способы взаимодействия с вещественным миром, миром живой природы и характеристика пространственных отношений во многом пересекаются.

Взаимодействие с пространством заключается в определении положения субъекта либо объектов в нем, например, наречиями со значением 'наискось, наискосок': *на́кось, накосі́к, напокосі́к, напокосо́к, наискоси-чек* (ср.: *Борова-то маленько на́кось идут* (СВГ, вып. 5: 45); *А вот эту зобеньку накосі́к плела* (СВГ, вып. 5: 45); *Сестра вот шла тут напокосі́к* (СВГ, вып. 5: 60); *Завяжжу напокосо́к, дак не мешают, эдак всё на покос ходим* (СВГ, вып. 5: 60)).

Характеристика выполнения действия / работы: положительная оценка выражается наречиями со значением 'должным образом, так, как следует': *ладо́м, ісполу, черёдкой, черёдно, чередо́м, че́стью* (ср.: *Запри двери-те ладо́м; Мужики́-ти не заботя́ця ладом убирать хлеб-от* (СВГ, вып. 4: 30)), *Ісполу сделал, толково* (СВГ, вып. 3: 24); *Стали есть черёдкой* (СВГ, вып. 12: 29), *Гледи́-ко, как черёдно крышу закрыли* (СВГ, вып. 12: 29); *Сейча́с ула́жжу полённицу чередо́м* (СВГ, вып. 12: 30); *Все́ че́стью сде́лал* (СВГ, вып. 12: 39)).

Отрицательная оценка действия дается наречиями со значением 'плохо, неправильно' – *опако, наопако, наопа́шку* (ср.: *Все́ наопако делают, нице́го не знают; Ничего не умеет делать, все́ опако у неё получаёч-ча, Ты тряпку наопако выжимаешь; Он все́ наопашку делает*), а также наречиями со значением 'небрежно, кое-как, безответственно' – *пособа́чьи, набзорь, непрáсько* (ср.: *По-соба́чьи-то не клади, клади чередо́м; Ведь не по-соба́чьи бра́ли снопы, а сейча́с лён худо убирают* (СВГ, вып. 8: 7), *Плотники у нас работали набзорь, вот дом худо и построили* (СВГ, вып. 5: 55), *Раз пять перешивала тужу́рку, все непрáсько* (СВГ 5: 101)).

Наречия образа действия дают характеристику конкретного способа выполнения действия: например, наречия, относящиеся к ситуации стирки белья: *пустомо́йно* 'без предварительного замачивания, некачественно, плохо (о стирке белья)' (ср.: *Сего́дни я пустомо́йно вы́стирала* (СВГ, вып. 8: 110)), *сухомо́ем* 'о стирке белья без кипячения и без предварительного замачивания' (ср.: *Пла́тье на реке́ и сухомо́ем мо́жно вы́мыть* (СВГ, вып. 10: 165)). Разнообразие же выражаемых наречиями образа действия значений очень велико: например, *хру́шко* 'деля на крупные частицы, куски, крупно' (ср.: *Хлеб хру́шко ку́рицам не кроши́. Хру́шко зерно́ мелют*); *теребо́м* 'не выбирая из сорной травы, пучком' (ср.: *Колоко́льчиков-то я теребо́м нарвала́, вме́сте с траво́й* (СВГ, вып. 11: 19)) и т.д.

Быстрое выполнение необходимых действий, работы, отмечаемое как положительная характеристика действий в диалектной языковой картине мира, имеет лексическое выражение в адвербиальной системе вологодских говоров через наречия со значением 'сразу': *взабо́р, взара́з, вкру́те, жи́водва, жи́вчиком, заподря́д, кря́ду, нара́з, наразу́, наряду́, науря́д,*

сбóю, скороспéшно, срáзика, супротíв, насупротив, сходу, то́ко, тóтось (ср.: Подхватили шутку взабóр (СВГ, вып. 1: 68); Взарáз не убрала банку, дак она заржавела; Вкру́те-то мне ничего и не вспомнить (СВГ, вып. 1: 74); Где дак тихá, а тут жíводва собралась (СВГ, вып. 2: 85); Я жíвчичком уберу вещи (СВГ, вып. 2: 86); Всё запооряд скосили (СВГ, вып. 2: 140); Крýду он приехал, как телеграмму подали (СВГ, вып. 4: 8); Я вышла, а его нараз и выселили (СВГ, вып. 5: 64); Жениха не выберешь наразу́ (СВГ, вып. 5: 64); Наряду́ и уберём сéно (СВГ, вып. 5: 68); Мы как пошли на поле, взялись за работу наурýд (СВГ, вып. 5: 81); Не ёшь сбóю-то, горячо́ (СВГ, вып. 9: 98); Попьёшь кíсло́го молока́, дак обряпаешься скороспéшно (СВГ, вып. 10: 29); Дров наруб́или, срáзика их на сáни и домóй; через наречия со значением 'очень быстро, сразу': Срáзика и пропáла корóва, коУда в прáздник порабо́тали (СВГ, вып. 10: 109); Этой во́строй косо́й я супротíв накосíла цéлой пестёрь (СВГ, вып. 10: 159); Я всё забываю насупротив (СВГ, вып. 5: 76); На́де ведь всё сходу́ дéлать-то (СВГ, вып. 10: 172); Мясо то́ко на́до солить: загниёт (СВГ, вып. 11: 29); Колéчко получи́ла и тóтось померла́ (СВГ, вып. 11: 78)). К этим наречиям примыкает группа слов, имеющих оттенок значения 'сразу, в один прием, за один присест' и относящихся в основном к ситуациям, когда речь идет о еде: уприсýдок, уприсýду, уприходу́ (ср.: Уприсýдок сз́столь съел (СВГ, вып. 11: 136); Ведь о́пéть уприсýду все конфéты съел (СВГ, вып. 11: 136); Мы с ним всё уприходу́ съели (СВГ, вып. 11: 136)).

Наречие со значением характеристики способа передвижения субъекта действия в пространстве может взаимодействовать ассоциативными, мотивационными семами с лексикой мира природы и вещей: например, наречие коневáто 'быстро, стремительно': Бабка Анюта коневáто ходит (СВГ, вып. 3: 96) (внутренняя форма этого наречия имеет ассоциативные связи с лексемой конь); леткóм 'с налёта, быстро, стремительно': Петухот прямо леткóм на меня (СВГ, вып. 4: 37) (внутренняя форма этого наречия имеет ассоциативные связи с глаголом летать).

Положение объекта в пространстве описывается наречиями образа действия как расположение в «близком» пространстве в различных аспектах: например, пластиком 'ровно, гладко': Положи цветок пла́стиком (СВГ, вып. 7: 64), до́плоти 'плотно': Смотри! Не закрыт холодильник до́плоти (СВГ, вып. 2: 46), наока́т 'до самого верха; через край': Ой, ведро-то ты водой наока́т налила (СВГ, вып. 5: 55), наскрóзь 'насквозь; через всю толщу чего-либо': Я ногу-то раз проколола цю́ть не наскрóзь (СВГ, вып. 5: 71), попере́чно 'поперёк': Пилкой-луцкóвкой напилят бревно́ попере́шно (СВГ, вып. 7: 159) и т.д.

Таким образом, семантика наречий образа действия особенно интересна с позиций реконструкции отношения сельского жителя к традици-

онным ценностям, представлений об этическом и эстетическом идеале в диалектной языковой картине мира, а также выражения значимых для носителя диалекта аспектов характеристики действия.

Литература

Кирилова Е. А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Кирилова. Вологда, 2008. 203 с.

Глуценко О. А. Общерусские наречия образа действия в сопоставительном аспекте (на материале архангельских народных говоров и русского литературного языка): монография / О. А. Глуценко. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камч. гос. ун-та, 2006. 304 с.

Бочкарёва Е. В. Наречие в донских говорах (лексико-семантический и структурный аспекты исследования): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. В. Бочкарёва. Волгоград, 2008. 226 с.

Словари

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПУ, 1983–2007.

*В.А. Закревская
Тюмень*

КОНСТРУКЦИИ ТИПА У НЕГО УЙДЕНО, ВСЯКО ПОЖИТО В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Исследователи исторической грамматики русского языка и русских народных говоров с давних пор обращают внимание на яркое своеобразие синтаксических конструкций со страдательными причастиями прошедшего времени, то есть с так называемыми причастиями на -НО, -ТО (*Подписано, так с плеч долой.* А. Грибоедов). Несмотря на обилие литературы по данной теме (Кузнецов 1950: 105-166; Петрова 1960; Булатова 1975; Русская диалектология 2005: 190-192 и др.), после монографии И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко «Синтаксис причастных форм в русских говорах» (1971) не появилось сколько-нибудь значительных работ, хотя вопросы, связанные с морфологической природой, происхождением и синтаксическим употреблением причастных предикативных форм, до настоящего времени не имеют однозначного решения.